

* * *

Просто сидел и смотрел на текучую воду.
Ветки, сор, последние льдины и льдинки.
Очень тепло, даже камни радовались погоде.
Жизнь ткалась в холст, собирая себя по нитке.

Вывороченный корень, полый тростник, чайка.
Снова льдина, большая, как Антарктида.
Хорошо бы лечь и уплыть, например, на Ямайку.
Но льдина растает на выходе из залива.

Балтика, вдалеке сосны, в небе солнце.
Вспомнил, как год назад мыл руки в Тибре.
Водка кончается, я уже пью не морщась,
Течение не принесло труп врага, и на том спасибо.

* * *

Ветер с полями танцует твист.
Дайте билет до станции «Коллективист».
Нет? А до станции «Август», «Июнь», «Июль»?
Года семьдесят пятого. Без дыр от пуль.

А в семьдесят седьмой год можно снова попасть?
Мы прилетали туда на Ан-25.
Я и отец. Была засуха, чернели поля.
Нам раздали пакеты, блевали все, но не я.

В восьмидесятый до боли хочется снова.
Олимпийский мишка, потом Симферополь.
Улица Речная, река Салгир.
В Салгире нельзя утонуть, река для игр.

В восемьдесят первый теперь не поможет и виза.
Чехословакии нет больше на карте жизни.
А там было здорово, на Рождество черти,
Часовня в лесу, у дорог черешня.

Восемьдесят третий. Не хочу, страшно.
Гроб. Цинк. Отец. Я стал старше.

* * *

Что чувствует домовой покинутого маяка?
Подолгу стоит на крыше и смотрит на далекие берега.
И думает: как же так? Люди, ну как же так?
Он больше не домовой? Маяк больше не маяк?

Маяк столько лет светил, что же вдруг поменялось?
Берега сорвались с цепи иль проливы с цепи сорвались?

Потолок рушится, падает штукатурка.
Похоже на листопад. Спят домовые чутко.
И поняв, что все скоро рассыплется, только тронь,
Он собирает хворост и зажигает огонь.

* * *

А если понять, что каждый цветок пижмы больше площадки, где дискотека,
То не до смеха, мой сын, то совсем не до смеха.
Мир огромен, и на пылинке василька стоят города,
Солнце восходит и сходит, и растут стога.

И еще там живет мальчик и пишет стихи, похожие на твои.
Да, вот так странно. И вокруг него васильки,
И летает пыльца, и песенки глупые птицы поют.
Потом мама зовет его ужинать, и всюду уют.

Он срывает василек и пижму и дарит их матери,
А потом опускает на стол стихи и двигает пальцем по скатерти.
«Это тоже мне?!» — радуется мать и всплескивает руками.
«Угу», — произносит поэт и смотрит поверх ложки восторженными глазами.

И солнце бьется сквозь стекла и шторы
На васильковой планете, на пижмовых просторах,
И бьют родники, и лучатся стога.
Иди осторожнее через луга.

Сны

Сон о пустыне, где в каждой песчинке Бог.
Меж горбов верблюда видит сны о лилиях волхв.
Его видит во сне оставшаяся дома жена.
Ее вождедеет, уснув, ничтожный слуга.

Клерк, просыпаясь ночью, понимает, что был слугой.
До этого сна он летал над равниной полярной совой.
Наступила ночь, сова открывает глаза.
Бросается с верхушки дерева, ночь светла.

Сова видела сон, что была рекой.
В ней жили рыбы, одна больше другой.
Река звалась Волгой. Самый большой в реке сом
Видел сон, как с грохотом идет по реке ледолом.

От треска льдов проснулась девочка в деревне из трех домов.
Проснулись воробьи в подстрехе, кошка и домовый.
Домовому виделось, что он верблюд и тащится на водопой.
Проснувшись, долго лакал из рукомойника и мокрой тряс бородой.

Воде в рукомойнике снилось, что она песок
В пустыне, где в каждой песчинке упрятан Бог...

Такие дела в деревеньке из трех домов...
Иногда мне кажется, что мир состоит из снов.